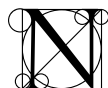

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
АФЕРА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
THE ROOSTER BAR

Перевод с английского *И.Я. Дорониной*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.
Г85 Афера : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. И.Я. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-109308-2

Студенты частной юридической школы «Фогги-Боттом» Марк, Тодд и Зола мечтали изменить мир к лучшему... а стали жертвами аферы владеющего этой школой фонда. Оказалось, фонд заинтересован лишь в том, чтобы опутать будущих адвокатов сетью огромных долгов по кредитам за обучение.

Однако Марк, Тодд и Зола не намерены опускать руки. Они собираются использовать все полученные в школе знания и любые юридические лазейки, чтобы противостоять фонду.

А если закон окажется на стороне могущественных мошенников — что ж, значит, придется действовать не вполне законными методами...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109308-2

© Belfry Holdings, Inc., 2017
© Перевод. И.Я. Доронина, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

В конце года, как всегда, наступили праздничные каникулы, хотя в доме Фрейзеров радоваться особо было нечему. Миссис Фрейзер по обыкновению украсила маленькую елочку, упаковала в красивую бумагу кое-какие дешевенькие подарки, испекла домашнее печенье, которое на самом деле никому не было нужно, и, взясь на кухне, весело подпевала, как обычно, без остановки льющемуся из стереопроеигрывателя «Щелкунчику», как будто праздник *и впрямь* был веселым.

Дела обстояли как угодно, только не весело. Мистер Фрейзер ушел из дома тремя годами раньше, и если о нем здесь вспоминали, то только с презрением. Сразу после своего ухода он съехался со своей молодой секретаршей, которая, как выяснилось, уже была беременна. Миссис Фрейзер, брошенная, униженная, надломленная, подавленная, тем не менее не сдавалась.

Луи, ее младший сын, находился под домашним арестом, был в некотором роде освобожден под залог, однако предстоящий год сулил ему большие неприятности, поскольку над ним висело обвинение в торговле наркотиками и кое-что еще. Он даже и не подумал купить матери что-нибудь в подарок. Оправдывался тем, что не может покинуть дом из-за электронного браслета, который носил на лодыжке по распоряжению суда. Но если бы и не имелось никакого браслета, никто

не ждал, что Луи затруднит себя покупкой подарков. И в прошлом, и в позапрошлом году лодыжки его были свободны, однако он не обременил себя хождением по магазинам.

Старший сын, Марк, приехал домой отдохнуть от тягот своей юридической школы и, хоть был еще беднее брата, изловчился все же купить матери духи. В мае ему предстояло закончить обучение, в июле — сдать экзамен на право заниматься адвокатской практикой, а в сентябре приступить к работе в некоей юридической фирме округа Колумбия, что — так уж вышло — совпало со временем, когда дело Луи должно было рассматриваться в суде. Впрочем, едва ли суд мог что-нибудь изменить — по двум основательным причинам. Во-первых, агенты, работавшие под прикрытием, поймали его с поличным в момент продажи десяти пакетиков крэка* — это даже было снято на видео — и во-вторых, ни Луи, ни его мать не могли позволить себе нанять хорошего адвоката, который сумел бы его вытащить. На протяжении всех каникул и Луи, и миссис Фрейзер намекали Марку, что он должен броситься на бескорыстную защиту брата. Разве так уж трудно потянуть время до того момента, когда Марк получит право заниматься адвокатской практикой — он ведь уже одной ногой в юридической фирме, — а получив лицензию, разве не сможет он с легкостью найти юридические формальности, о которых столько пишут, чтобы добиться снятия обвинений?

В этих фантастических упованиях зияли большие бреши, но Марк отказывался даже обсуждать их. Когда в новогодний день стало очевидно, что Луи собирается проваляться на диване по меньшей мере часов десять,

* Крэк — кристаллическая форма кокаина. — (Здесь и далее прим. перев.)

наблюдая за семьей подряд футбольными матчами, Марк тихо выскользнул из дому и отправится к другу. Возвращаясь в тот вечер домой, он, будучи подшофе, принял решение сбежать. Лучше он вернется в Ди-Си* и подделает что-нибудь в юридической фирме, куда вскоре должен быть принят на работу. До начала занятий оставалось еще две недели, но, наслушавшись за десять дней проклятий и стонов Луи по поводу его проблем, не говоря уж о неумолчном «Щелкунчике», Марк был сыт по горло и с нетерпением ждал начала своего последнего семестра в юридической школе.

Он поставил будильник на восемь часов и за утренним кофе объяснил матери, что должен вернуться в Ди-Си. «Мне очень жаль, мама, уезжать раньше времени и оставлять тебя здесь наедине с твоим непутевым сыном, но иначе я поступить не могу, — заявил он. — Я ему не помощник. У меня своих проблем по горло».

Первой его проблемой был автомобиль, «Форд Бронко», на котором он ездил еще со старших классов школы. Одометр в нем застыл на отметке 187 000 миль, и это случилось давно, в середине его курса обучения. Машине отчаянно требовался новый бензонасос, и это был лишь один пункт в его аварийном списке. С помощью скотча и крепок Марк в течение последних двух лет кое-как поддерживал в худо-бедно рабочем состоянии мотор, трансмиссию и тормоза, но с бензонасосом была беда. Он работал, но с очень низкой мощностью, так что максимальная скорость «Бронко» на ровной дороге составляла сорок девять миль. Чтобы не быть раздавленным на скоростном шоссе какой-нибудь восемнадцатиколесной фурой, Марк держался проселочных дорог сельского Делавэра и Восточного побережья.

* Ди - Си (*англ.* District of Columbia, сокращенно D.C.) — официальное название столицы США Вашингтона.

Это давало ему дополнительное время обдумать другие свои проблемы. Проблемой номер два являлся державший его за горло студенческий долг. Колледж он окончил с шестьюдесятью тысячами кредита, взятого на обучение, и полным отсутствием работы. Его отец, который к тому времени был, судя по всему, счастливо женат, но тоже весь в долгах, остерегал его от продолжения учебы. Он говорил: «Черт, парень, четыре года учебы — и шестьдесят штук долга. Кончай с этим делом, пока совсем не погряз». Но полагаться на финансовые советы отца было глупо, поэтому Марк поработал два года там-сям — разносил пиццу, стоял за барной стойкой, — одновременно торгуясь со своими кредиторами. Теперь, оглядываясь назад, он не мог припомнить, в какой момент у него возникла мысль о поступлении в юридическую школу, зато хорошо помнил подслушанный им разговор между двумя ребятами из одного студенческого братства, сидевшими за его стойкой, неслабо выпивавшими и обсуждавшими при этом важные вопросы. Народу в баре было не много, и после четвертой рюмки водки, которую они запивали клюквенным морсом, парни говорили достаточно громко, чтобы их мог услышать любой. Наряду с другими интересными вещами, о которых они толковали, были две, Марку хорошо запомнившиеся: «Крупные юридические фирмы Ди-Си как сумасшедшие скупают студентов-юристов на корню» и «Начальная ставка у них — сто пятьдесят тысяч в год».

Вскоре после этого он столкнулся с приятелем по колледжу, который учился на первом курсе юридической школы Фогги-Боттом* и собирался в ускоренном темпе, за два с половиной года, пройти курс обучения,

* Foggy Bottom (англ.) — «Туманное дно», старое название одного из районов г. Вашингтона (в прошлом — болотистая местность), где позднее были размещены государственные учреждения, в том числе Госдепартамент. В разговорной речи — шутовское название Государственного департамента США.

чтобы поступить в какую-нибудь крупную фирму на работу с высоким окладом. Федералы раздают студенческие ссуды направо и налево, любой может получить ее, и, хоть и окончит Школу с огромным долгом, наверняка сможет отдать его в течение пяти лет. Приятель Марка, по крайней мере, считал, что есть неоспоримый смысл «вложиться в себя», залезши в долги, потому что это гарантирует большие заработки в будущем.

Марк заглотил приманку и начал готовиться к вступительным экзаменам в юридическую школу. Количество набранных им баллов не было впечатляющим — 146, но это ничуть не смутило приемную комиссию юридической школы Фогги-Боттом. Равно как и его довольно жидкое резюме с весьма скромным средним баллом 2,8. ЮШФБ приняла его с распростертыми объятиями. Его заявка на ссуду была быстро одобрена. Каждый год шестьдесят пять тысяч просто переводили из Министерства образования на счет ЮШФБ. Но теперь, когда впереди у него остался всего один семестр, Марк без малейшего оптимизма смотрел на свои перспективы, имея в общей сложности — после колледжа и юридической школы, учитывая сумму ссуды и проценты, — двести шестьдесят шесть тысяч долга.

Еще одной проблемой была работа. На самом деле рынок труда в этой сфере оказался отнюдь не таким емким, как представлялось по слухам. Не был он и таким динамичным, как утверждалось в приукрашивающих реальность брошюрах ЮШФБ и на ее почти жульническом сайте. Выпускники ведущих юридических школ еще могли найти работу с завидной зарплатой. Но Фогги-Боттом к ведущим школам не принадлежала. Марку удалось втереться в фирму среднего уровня, специализировавшуюся на «взаимодействии с органами государственной власти», что попросту говоря означало лоббирование. Первоначальный оклад ему не назна-

чили, поскольку административный совет должен был собраться только в начале января, чтобы рассмотреть финансовые итоги предыдущего года и утрясти предполагаемую сетку заработной платы на будущий. Через несколько месяцев Марку предстоял важный разговор с его «кредитным консультантом» о реструктуризации студенческого долга и о том, как вообще разгрести этот завал. Его консультант уже выразила озабоченность тем, что Марк не знает, сколько будет получать. Марка это тоже тревожило, особенно учитывая тот факт, что он не доверял ни одному человеку, с которым встречался в фирме. Как ни старался себя обманывать, в глубине души он знал, что его положение очень ненадежно.

Отдельной проблемой был экзамен на адвокатскую практику. Из-за избыточного предложения требования к экзаменуемым в Ди-Си были одни из самых высоких в стране, а выпускники Фогги-Боттом бомбардировали экзаменационную комиссию в огромных количествах. Опять же, ведущие юридические школы не знали забот. В предыдущем году 91 процент выпускников Джорджтаунского университета получил проходной балл. Процент сдавших экзамен выпускников Университета Джорджа Вашингтона составил 89 процентов. А выпускников Ф-Б — жалкие 56. Чтобы выдержать экзамен, Марку надо было начинать готовиться уже сейчас, с первых чисел января, и корпеть над учебниками без передышки следующие полгода.

Но у Марка не было сил, особенно в эти холодные, ужасные, гнетущие зимние дни. Временами долг давил на него, как огромный шлакоблок, привязанный к спине. Ему было трудно ходить, улыбаться. Он жил в нищете, и будущее, даже с учетом предстоявшей работы, представлялось тусклым. А ведь ему еще повезло. У большинства его однокашников имелись долги, но не было работы. Оглядываясь назад, он слышал ропот,

раздававшийся уже в первом семестре, и с каждым последующим семестром атмосфера в Школе становилась все безрадостней, а подозрения все мрачнее. Положение на рынке занятости усугублялось. Результаты адвокатских экзаменов приводили в замешательство всех в ЮШФБ. Долги накапливались. Сейчас, на третьем, последнем году обучения, не редкостью стало услышать, как студенты ссорятся с преподавателями в аудитории. Декан практически не выходил из своего кабинета. Блогеры поносили Школу и откровенно задавали неприятные вопросы: «Не надувательство ли это?», «Нас облапошили?», «Куда ушли деньги?».

Все, кого Марк знал, в разной степени были уверены, что: 1) преподавание в ЮШФБ ведется на неудовлетворительном уровне; 2) Школа раздает слишком много необоснованных обещаний и 3) гребет слишком много денег; 4) стимулирует студентов влезать в непомерные долги, между тем как 5) принимает большое количество бездарных абитуриентов, которым на самом деле не место в юридической школе и которые 6) либо не имеют достаточной подготовки для экзамена на адвокатскую практику, либо 7) слишком тупы, чтобы сдать его.

Ходили слухи, что количество желающих поступить в ЮШФБ снизилось на 50 процентов. Без государственной поддержки и частных пожертвований такой спад приведет к неминуемому болезненному сокращению расходов, и плохая юридическая школа будет становиться только хуже. Марка Фрейзера и его однокурсников это уже не затронет. Они как-нибудь переживут следующие четыре месяца и благополучно покинут Школу, чтобы никогда в нее не возвращаться.

Марк жил в пятиэтажном многоквартирном доме, построенном восемьдесят лет тому назад и разрушающемся на глазах, но арендная плата здесь была низкой,

и это привлекало студентов из Университета Джорджа Вашингтона и ЮШФБ. В начале своего существования здание было известно под названием Дом Купера, но спустя тридцать лет службы на износ проживавшей здесь студенческой братии за ним закрепилась кличка Курятник. Поскольку лифт по обыкновению не работал, Марк поднялся на четвертый этаж по лестнице и вошел в свою тесную, скудно обставленную квартирку площадью в пятьсот квадратных футов, за которую платил 800 долларов в месяц. По какой-то причине перед каникулами, сдав последний экзамен, он сделал уборку и теперь, включив свет, порадовался тому, что в квартире царил порядок. Да и что бы могло его нарушить? Владелец этой трущобы никогда тут не появлялся. Марк разобрал сумки, и его вдруг поразила тишина. Обычно, когда студенты-квартиросъемщики были на месте, при здешних тонких стенах в доме всегда стояли шум и гам. Стереопроигрыватели, телевизоры, споры, розыгрыши, покерные баталии, драки, упражнения на гитаре и даже на тромбоне, на котором играл какой-то ботан с пятого этажа, — все это грозило обрушить здание. Но не сегодня. Жильцы разъехались по домам, наслаждаясь каникулами, и здание тонуло в непривычной тишине.

Через полчаса Марку это наскучило, и он вышел из дома. Пройдя по Нью-Хэмпшир-авеню навстречу ветру, проникавшему сквозь его тонкую флисовую куртку и брюки цвета хаки, он почему-то решил повернуть на Двадцать первую и остановился перед своей юридической школой посмотреть, открыта ли она. В городе, не испытывавшем недостатка в безобразных современных зданиях, ЮШФБ умудрилась все же выделиться своим уродством. Это была послевоенная постройка, украшенная восемью рядами кричаще желтой кирпичной кладки, изображавшей нечто вроде асимметричных крыльев, — плод самовыражения некоего архитекто-

ра-неудачника. Предположительно когда-то это было офисное здание, но многие внутренние стены в нем порушили, чтобы создать тесные лекционные аудитории на четырех нижних этажах. На пятом находилась библиотека — крольчатник, состоявший из больших, отделанных под старину комнат, набитых книгами, к которым редко прикасались, и копиями портретов неизвестных судей и ученых-юристов. Кабинеты преподавательского состава располагались на шестом и седьмом этажах, а на восьмом, как можно дальше от студентов, обитала администрация, причем декан был надежно упрятан в самом дальнем кабинете, который редко отваживался покидать.

Входная дверь была не заперта, и Марк вошел в пустой вестибюль. Наслаждаясь теплом, он отметил, что помещение, как всегда, производило гнетущее впечатление. Одну стену занимала информационная доска, пестревшая разного рода извещениями, уведомлениями и предложениями. Было здесь несколько постеров, лживо рекламирующих возможности обучения за рубежом, и обычный набор рукописных объявлений о продаже книг, велосипедов, билетов, курсов лекций, а также предложений почасового репетиторства и квартир, сдающихся в аренду. Адвокатский экзамен нависал над школой, как грозовая туча, и на доске было вывешено несколько плакатов, восхваляющих достоинства тех или иных дополнительных углубленных курсов. Если очень постараться, можно было найти здесь и несколько предлагаемых вакансий, но их в Ф-Б год от года становилось все меньше. В одном углу Марк увидел знакомую старую брошюру, заманивающую молодых людей брать ссуды на обучение. В дальнем конце вестибюля стояли торговые автоматы и находился маленький бар с кофе-машиной, однако сейчас, во время каникул, кофе там не варили.

Марк рухнул в обшарпанное кожаное кресло, проникаясь унылостью своей школы. Была ли это действительно школа или просто очередная фабрика по производству дипломов? Ответ становился очевидным. Марк уже тысячу раз пожалел, что когда-то переступил этот порог ничего не подозревавшим первокурсником. Теперь, почти три года спустя, он оказался обременен долгами, не имея ни малейшего представления, как их выплатить. Если и был какой-то свет в конце тоннеля, то он его не видел.

И кому только пришло в голову назвать школу «Туманным дном»? Будто сам опыт учебы в ней не был достаточно мрачным, какая-то светлая душа лет двадцать тому назад наградила ее именем, которое заранее несло в себе еще бóльшую безотрадность. Тот деятель, уже почивший, продал Школу каким-то инвесторам с Уолл-стрит, владевшим сетью юридических школ и, по слухам, получавшим неплохие доходы, но подарившим миру очень мало талантливых юристов.

Как можно покупать и продавать юридические школы? Это до сих пор оставалось загадкой.

Услышав голоса, Марк поспешно покинул здание. Прогулявшись от Нью-Хэмпшир до Дюпон-сёркл, он нырнул в книжный магазин Крамера, чтобы выпить кофе и немного согреться. Он повсюду ходил пешком. Его «Бронко» слишком часто вихлял и глох посреди городского потока машин, поэтому он держал его на стоянке позади Курятника, даже не вынимая ключа из замка зажигания. К сожалению, пока никто на него не позарился.

Согревшись, он, лавируя в толпе, прошагал шесть кварталов на север по Коннектикут-авеню. Юридическая фирма «Несс Скелтон» занимала несколько этажей в современном здании неподалеку от Хинкли-Хилтон. Предыдущим летом Марку удалось всеми правдами

и неправдами внедриться в нее, получив место стажера с зарплатой меньше минимальной. В крупных фирмах летние программы стажировки использовались, чтобы завлечь лучших студентов. Многого от них не требовали. У стажеров было до смешного свободное расписание, их снабжали билетами на бейсбольные матчи и приглашениями на изысканные вечеринки, устраивавшиеся богатыми партнерами на роскошных задних лужайках их домов. Соблазненные всем этим, молодые люди подписывали согласие и после выпускных экзаменов сразу попадали в мясорубку сточасовой рабочей недели.

В «Несс Скелтон» все было по-другому. Имея в штате всего пятьдесят юристов, фирма не входила в первую десятку. Ее клиентами являлись профессиональные объединения — Форум производителей сои, Союз почтовиков-пенсионеров, Совет поставщиков говядины и баранины, Ассоциация асфальтовых подрядчиков, Объединение инженеров-железнодорожников инвалидов производства — и ряд военных подрядчиков, жаждущих урвать свою часть пирога. Штат экспертов фирмы, если таковой существовал, поддерживал связи с Конгрессом. Ее летняя программа стажировок имела целью эксплуатацию дешевого труда, а не привлечение лучших студентов. Марк трудился усердно, страдая от отупляющей работы. В конце лета, получив предложение, которое не очень определенно сулило работу в фирме после сдачи адвокатского экзамена, он не знал, радоваться или плакать. Однако он ухватился за это предложение — тем более что других не было — и гордился тем, что стал одним из немногих студентов ЮШФБ с будущим. Всю осень Марк мягко наседали на своего наставника, пытаясь выяснить, какие условия ему собираются предложить, но ничего не добился. Могло произойти слияние фирм. Могло — разделение.